This article is distributed under the terms of the Creative Commons Attribution 3.0 PL
© Copyright by Uniwersytet Warszawski Katedra Studiów Interkulturowych Europy Środkowo-Wschodniej & individual articles to their Authors

doi: 10.32612/uw.2543618X.2020.pp.397-418

Przegląd Środkowo-Wschodni, 5, 2020
ISSN 2543-618X eISSN 2545-1324

Nr art. 20200513

Data przesłania: 27.10.2019
Data akceptacji: 16.11.2019

Людмила Слуцкая

Белорусский государственный университет
l_slutskaya@mail.ru
ORCID: 0000-0003-4416-0121

«Христианская дипломатия» Шарля Кёне: в поисках франко-литовского сближения[1]

„Dyplomacja chrześcijańska" Charlesa Quénet'a: w poszukiwaniu zbliżenia francusko-litewskiego

Na przełomie 1920 i 1921 na zaproszenie liderów Partii Chrześcijańsko-Demokratycznej Litwę odwiedził ks. Charles Quénet. W obliczu konfliktu polsko-litewskiego dotyczącego przynależności państwowej Wileńszczyzny kraje usiłowały znaleźć wyjście z zaistniałego impasu. „Dyplomacja chrześcijańska" miała na celu założyć podwaliny pod dialog pomiędzy politykami-katolikami. Mimo że misja duchownego francuskiego nie przyniosła znaczących rezultatów, to jednak sprzyjała ona międzykulturowemu dialogowi i pomogła stronie francuskiej uzmysłowić prawdziwe dążenie narodu litewskiego do niezależności państwowej. W swojej notatce dyplomata dowodził konieczności przewartościowania dotychczasowej polityki francuskiej względem Litwy.

Słowa kluczowe: Francja, Litwa, katolicyzm, Partia Chrześcijańsko-Demokratyczna Litwy, odrodzenie narodowe

[1] Публикация подготовлена в рамках научно-исследовательского гранта Programme de Mobilité post-doctorale courte durée INCOMING – ANNEE 2016 № 4378.

Фигура выдающегося французского слависта, историка аббата Шарля Александра Кёне (1883–1946) не слишком известна за пределами Франции, несмотря на то, что большую часть своих работ, в том числе и неопубликованных, он посвятил России, православной церкви, в частности, отношениям православного Востока с Римом, униатам, религиозной борьбе в Польше.

Выходец из епархии Амьена, Кёне был приглашен в епархию Парижа, где начал изучать русский язык под руководством известного историка, члена Академии нравственных и политических наук Института Франции Анатоля Леруа-Болье. Под его влиянием он увлекся идеями представителей русского западничества, прежде всего, П.Я. Чаадаева, что предопределило его дальнейшую судьбу. Благодаря знанию русского языка, Кёне был замечен главой «Кружка религиозных исследований» аббатом лазаристом Фернаном Порталем, сыгравшем «немалую роль в истории сближения Франции с православной Россией»[2]. Порталь «нуждался в усилении своей команды и искал человека, который бы занялся изучением западнических идей»[3] и отправился для этого в Российскую империю. Так, в 1909 г. Кёне оказался в Киеве. Во время двухлетнего обучения в Киевском университете, «на волне новых духовных исканий интеллигенции француз наладит контакты с религиозно-философскими обществами Киева, Москвы и Петербурга»[4]. По возвращении во Францию он продолжит свои религиозно-философские исследования, закончит исторический факультет Сорбонны и практически подготовит диссертацию о роли П.Чаадаева в идейном движении. Однако Первая мировая война прервала его планы. Кёне добровольцем ушел на войну, был священником в дивизии, был дважды ранен, в 1916 г. попал в плен под Верденом и не-

[2] Данилова О., *Группа аббата Ф. Порталя и Россия (1903–1919 гг.)* [в:] *Французы в научной и интеллектуальной жизни России XVIII–XX вв.,* ред.: А.О. Чубарьян, Ф.-Д. Лиштенан, Москва 2010, с. 271.

[3] Там же.

[4] Там же.

сколько месяцев с французскими и русскими офицерами находился на поселении в Майнце, после чего вновь вернулся на фронт.

В 1918 г. в составе французской военной миссии был направлен в Сибирь. По возвращении во Францию в конце 1919 г. Кёне становится преподавателем истории в школе Амьена. В течение 1920–1921 гг. он провел несколько недель в Восточной Галиции, а затем в Праге; совершил серию исследовательских поездок в другие славянские страны, а также в Литву, Константинополь, Ливан, Палестину, Египет[5]. С 1922 г. Кёне назначен секретарем архиепископа Парижского Шапталя по связям с иностранцами и членом правления Института славянских исследований в Париже. В перерывах между работой над диссертацией и подготовкой проповедей он исследовал церковную историю и религиозную борьбу в Польше[6], написал труды, посвященные необходимости соединения церквей[7]. В 1931 г. Кёне наконец-то завершит длительную работу и защитит диссертацию о роли П.Чаадаева в идейном движении России[8].

Публикуемый в этом номере журнала документ из фондов Дипломатического архива Франции представляет собой заметки Шарля Кёне о почти трехнедельном пребывании в Литве. Следует отметить, что машинописная копия документа встречается в двух архивных делах: о внутренней политике Литвы и в деле, посвященном внешней политике. На машинописном тексте от руки карандашом указано размещение рукописного текста в деле № 6 о внутренней политике (сентябрь 1920-апрель 1921).

Наличие рукописного текста в папках, отсутствие помарок, четкая структура документа, состоящего из трех частей: цель и обсто-

---

[5] Mazon, A. Nécrologie, Revue des études slaves, t. 23, 1947, fasc. 1–4, p. 280

[6] Quénet, Ch. Deux siecles et demi de luttes religieuses dans la Pologne meridionale (1339–1596), Paris 1939.

[7] Quénet, Ch. L'Unité de l'Église. Les Églises séparées d'Orient et la réunion des Églises, Paris 1923; L'union des Églises du point de vue catholique, Boulogne-sur-Seine (Seine) 1930

[8] Quénet, Ch. Tchaadaev et les letters philosophiques. Contribution à l'étude du mouvement des idées en Russie, Paris 1931.

ятельства путешествия, наблюдения, сделанные во время поездки и французское влияние, результат миссии, позволяют предположить, что документ был написан сразу после приезда, либо во время поездки в форме аналитической записки для Министерства иностранных дел Франции. Это подтверждает и наличие карандашной записи, датированной 19 января 1921 г., на копии документа, предшествующего рукописному варианту.

Заметки французского аббата – уникальный исторический документ, отражающий частный случай встречи двух близких по духу католических культур: французской и литовской. Благодаря заметкам Кёне представилась возможность окунуться в историческую эпоху политической, религиозной, культурной жизни Литвы конца 1920-начала 1921 гг.

В конце 1920 г. по приглашению лидеров литовской Христианско-демократической партии Кёне совместно со своим коллегой и единомышленником Марком Санье отправился в Литву. Этот визит был не случаен. В условиях польско-литовского конфликта по поводу обладания Вильно, Христианско-демократическая партия, как ведущая политическая сила страны, пыталась наладить диалог с Францией, поддерживающей в этом конфликте Варшаву. В свою очередь, миссия была важна и для французской стороны: она была призвана укрепить французское влияние в противовес немецкому.

За время своего пребывания, Кёне объезжает почти всю Литву и проникается интересом к ее народу, культуре, традициям. Внушительная часть заметок посвящена траектории формирования литовского национального движения, в котором последовательно предстают его лидеры. Не обошел вниманием Кёне экономическое и внутриполитическое устройство Литвы, подробно останавливаясь на избирательной системе, правительстве и законодательных органах власти. Однако особенно важно то, что за политическим устройством, которое достаточно легко поддается описанию и анализу, намного труднее для изучающего историю чужой страны, погрузиться в иную культуру и традиции, увидеть общество с его

особой психологией, внутренней логикой, понять «душу» народа. В этом признается и французский аббат: «что касается любого национального настроения, его контуры трудно постичь»[9], – констатирует он. Тем не менее, можно сказать, что за достаточно короткий срок (чуть более двух недель) Кёне удалось и это. Католический священник сумел отразить всю этническую многоликость Вильно, его межкультурный характер.

Возможно, «христианская дипломатия» Кёне не принесла ощутимых политических результатов, но ее значение гораздо шире – она способствовала межкультурному диалогу двух стран. Культурное проникновение позволило Кёне разглядеть истинные причины столь пылкого стремления литовского народа к независимому существованию.

> Священники, выходцы из народа (литовского) вновь заставили вибрировать древний язык. Они не составляли ученых или полемических книг, а взяли песни и сказки своих деревень. Второе возрождение, национальное и народное, подготовило новое движение, которое примерно в 1890 году стало также и поэтическим (…) Это была возрождённая нация, обретшая прошлое и веру, католицизм, избавленный от прошлых оков. Ведь вопреки всему, вера продолжала существовать вместе с поэзией и надеждой[10].

– подчеркнул Кёне, говоря о роли литовского духовенства в национальном возрождении, по случаю 21-ой годовщины независимости Литвы.

Из своего путешествия французский католик извлек необходимость пересмотра французской политики в отношении Литвы по следующим направлениям:

1. Необходимость влияния на общественное мнение, которое видит за Польшей и Желиговским Францию. «Если влияние Франции

---

[9] AMAE. Série: Europe 1918–1940. Lituanie. Vol. 58. Note de M. Charles Quénet sur voyage en Lithuanie (27 décembre1920–14 janvier 1921), p. 183; Vol. 6 p. 156; 210.

[10] Mauclère, J. Le rayonnement de la France en Lithuanie, Paris 1946, p. 36

не очень велико в Литве, – констатирует аббат, – то ее авторитет является значительным»[11]. Францию называют величайшей державой в мире; она считается всемогущей, делает все, что хочет и именно из-за ее всемогущества допускается, что она может эффективно вмешиваться в литовско-польский конфликт. Франция должна стать посредником между Польшей и Литвой, а не камнем преткновения, только так она может улучшить свой имидж. На данный же момент, вопреки всем усилиям, которые прикладывает Франция, она так и не укрепила свои позиции перед лицом Германии.

2. Необходимо укрепить франко-литовское культурное взаимодействие путем привлечения литовских студентов во Францию. Следует также направить французских профессоров в литовские университеты. «Иначе, – утверждает Кёне, – наше место будет занято немцами или германизированными литовцами»[12].

3. И, пожалуй, самое важное. Кёне пришел к выводу, что любая политика, направленная на то, чтобы навязать Литве союз или федерацию с Польшей в качестве отправной точки, обречена на провал. Франция должна признать независимость Литвы, только так, по его мнению, можно добиться польско-литовского союза.

Таким образом, «христианская дипломатия» французского аббата имела не столько политический характер, сколько интеллектуальный и культурный. Кёне удалось уловить общественные настроения, выявить особенности этнопсихологии и переплетения различных культур многонационального государства, как Литва. Его заметки не утратили своей актуальности и спустя сто лет.

---

[11] AMAE. Série: Europe 1918–1940. Lituanie. Vol. 58. Note de M. Charles Quénet sur voyage en Lithuanie (27 décembre1920–14 janvier 1921), p. 191; Vol. 6 p. 163; 217

[12] AMAE. Série: Europe 1918–1940. Lituanie. Vol. 58. Note de M. Charles Quénet sur voyage en Lithuanie (27 décembre1920–14 janvier 1921), p. 193; Vol. 6 p. 165; 219

Заметки Шарля Кёне о поездке в Литву (27 декабря 1920–14 января 1921)[13]

I
Цель и обстоятельства путешествия

Господин Марк Санье, парижский депутат и я отправились в Литву по желанию, которое выразили лидеры Литовской христианско-демократической партии для того, чтобы встретиться с французскими католиками. Христианско-демократическая партия представляет в Сейме литовских католиков и имеет в нем абсолютное большинство. Ее внешняя политика, как и политика других литовских партий, озабочена обеспечением независимости страны в противовес реальным или предполагаемым амбициям Польши. В отношении других наций эта политика нерешительности. Существует мнение, что Франция, при той поддержке, которую она оказывает Польше, является косвенной причиной нынешних трудностей Литвы в том, что касается ее независимости или обладания Вильно. Это похоронило надежды и симпатии, которые проявились после победы Антанты и заключения перемирия. Старания господина аббата Вилимаса (или Вилимовича)[14], в настоящее время студента Свободной школы политических и социальных наук, и очень вовлеченного в политическое и общественное движение Литвы в отношении политики взаимопонимания с Францией, подтолкнули

[13] Имена, фамилии, названия, наименования географических мест приведены в соответствии с авторским текстом.

[14] Речь идет об Адомасе Вилимасе (род. 29.11.1887 – неизв.) – выпускник Каунасской духовной семинарии, общественный деятель, ксендз, член II и III Сейма Литвы, с 1923 по июнь 1926 член фракции Христианско-демократической партии, с июня 1926 – член Литовской социал-демократической партии. В годы Второй мировой войны работал юристом. В 1952 г. арестован советскими властями. Дата смерти неизвестна. Более подробно см.: Laukaitytė Regina, Vilimas Adomas, *Lietuvos Lietuvos Respublikos Seimų I (1922–1923), II (1923–1926), III (1926–1927), IV (1936–1940) narių biografinis žodynas*, sud. Aivas Ragauskas, Mindaugas Tamošaitis, Vilnius, 2007, p. 556–559.

христианско-демократическую партию к попытке сближения, первым действием которой стало приглашение, адресованное господину Марку Санье[15] и мне, приехать на встречу с лидерами партии и другими руководителями литовской политики. Поездка совпала с проведением первого Литовского католического конгресса, что позволило нам наладить отношения с гораздо большим числом лиц, чем мы ранее предполагали.

Характер попыток сближения и объединения проявлялся во всех деталях поездки. Христианско-демократическая партия взяла на себя почти все расходы; на границе нас избавили от таможенных и бюрократических формальностей. На станции вокзала в Ковно, председатель Христианско-демократической партии и несколько членов этой партии встретили и приветствовали нас; Председатель Учредительного Сейма, исполняющий обязанности президента Республики, отправил нам свою машину и предоставил ее в наше распоряжение на время пребывания; он хотел принять нас уже на следующий день после нашего приезда; мы также были приняты Председателем Совета Министров, доктором Гринюсом, социалистом, Министром иностранных дел, аббатом Пурицкисом, христианским демократом, Министром финансов, доктором Гальванаускасом, независимым епископом Ковенским, господином Каревичем и его коадъютором господином Сквирескасом[16]. Священнослужители – члены Христианско-демократической партии – дали обед в нашу честь; меня с господином Марком Санье пригласили посетить мессу, которая открывала Католический конгресс, и выступить вместе с Президентом на торжествен-

[15] Марк Санье (1873–1950) – общественно-политический деятель Франции католической ориентации, журналист, пацифист. Основатель социал-демократического католического движения «Le Sillon» («Борозда»), которое было осуждено Папой Пием X. С 1919 по 1924 – депутат Национального собрания Франции. Во время Второй мировой войны – участник движения Сопротивления.

[16] Йонас Сквирескас (1873–1959) – литовский богослов, с 1926 г. архиепископ Каунаса. Во время Второй мировой войны сотрудничал с немцами. С приходом советских войск был вынужден покинуть Литву.

ном собрании; оргкомитет Конгресса устроил нам банкет, в котором приняли участие епископ Ковно, делегат Литвы в Лиге Наций, господин Вольдемар, комиссар Французской Республики Сартиж, капитан французской военной миссии Коэндер и различные влиятельные персоны, принадлежащие к духовенству и Христианско-демократической партии. Поскольку через несколько дней господину Марку Санье пришлось покинуть Литву, я остался один с отцом Вилимасом и был приглашен на обед Председателем Совета министров и вице-президентом Учредительного собрания. Во время пребывания господина Марка Санье специальный поезд был передан в наше распоряжение, чтобы отвезти нас в Вильно. Последующие дни, проведенные в разных литовских деревнях, успешно дополнили наши наблюдения.

II
Наблюдения, сделанные во время поездки

Наши встречи и беседы, а также наблюдения позволили нам поверить, что Литва экономически и политически, возможно, занимает наиболее прочное положение среди молодых прибалтийских государств.

Экономически она самодостаточна почти во всем, что касается ее продовольственного обеспечения. Страна почти исключительно сельскохозяйственная, она сама себя кормит и может даже экспортировать свою пшеницу и домашних животных. Ее деревни построены из собственного леса. Ее крестьяне сами перерабатывают лен, козью шерсть и хлопок. Лен им поставляет их собственная почва, Литва продает его за рубеж. Шерсть получает от литовских овец. Каждое хозяйство имеет свое ремесло и изготавливает белье, ткани, одежду. Что касается городов, они обращаются за границу. Германия, Великобритания и США – основные поставщики. Германия занимает первое место прежде всего по причине близкого соседства, а также из-за паритета между литовской и немецкой марками. Германия также отправляет сахар в Литву, взамен получает

пшеницу и лен. Англия прилагает большие усилия для обеспечения литовского рынка и покупки льна. Она предложила правительству Литвы экономическое и финансовое сотрудничество и политическую поддержку на следующих условиях: эксплуатация англичанами порта Мемель, когда эта часть будет передана Литве, эксплуатация лесов, эксплуатация и управление железными дорогами, контроль за финансами и казной. Американские литовцы, осведомленные об этом проекте, призвали правительство Ковно отвергнуть его; они направили специалистов в Литву для различных государственных служб и открыли кредиты правительству. По их настоятельным просьбам, английский проект не был сохранен. Возможно, страх попасть под английский протекторат способствует попыткам сближения с Францией.

Но литовцы видят в этом сближении, главным образом, средство гарантии против аннексии Польшей. Литовское национальное движение возникло после 1863 г., когда акт освобождения крепостных позволил сыновьям крестьян поступать в семинарии. До этого императорский указ, изданный с целью сокращения числа священников, разрешал входить в католическое духовенство только благородным или облагороженным дворянам. Эти молодые люди, выходцы из дворянства или средних землевладельцев, поляки или полонизированные литовцы, говорящие только на польском, считали, что унижали бы себя, будучи литовцами. Проникновение в семинарии литовцев, выходцев из народа и говорящих между собой по-литовски, породило в рядах духовенства две группы. Презрение, выражаемое «польской» частью по отношению к «литовской» стороне, небольшая симпатия, которую сыновья бывших крепостных чувствовали, со своей стороны, к сыновьям помещиков, привели к трениям, конфликтам и рождению в «литовской» части чувства, которое все больше и больше вело к противостоянию этого молодого духовенства и священников «старого духовенства».

Национальное чувство нашло свое выражение в литературной литовской газете, основанной в Тильзите в 1883 г., господином

Басанявичюсом. Движение было ускорено тем, что против него предприняло российское правительство, в частности, запрет на литовскую печать латинским шрифтом[17], что привело к активной контрабанде между Германией и Литвой. Духовенство и интеллектуалы увлекли за собой крестьян. Было создано много тайных школ, чтобы большинство крестьян, по крайней мере, хотя бы читали по-литовски и чувствовали себя литовцами, выступающими против русских и поляков одновременно.

Благодаря революции 1905 года националистическое движение получило очень сильный импульс. Съезд, собравший 2600 членов, сформулировал первые требования литовского народа. Впрочем, этот Съезд, почти полностью состоящий из католиков, в части своих действий и резолюций находился под сильным влиянием группы, состоящей от 40 до 60 социалистов. Этот факт указал духовенству на необходимость организации католиков. Четыре священника, профессоры Духовной Академии Санкт–Петербурга, в их числе аббат Матулевич[18], ныне епископ Вильно, основывают в 1907 г. в Ковно Христианско-демократическую партию. Партия так и не получила окончательной организации, но она дала новый импульс католическому и национальному движению, которое впоследствии проявило свою силу в создании целого ряда учреждений: издательское общество Святого Казимира, опубликовавшее в 1914 году 17 газет и журналов; ассоциации «Солнце» в Ковно, «Утро» в Вильно, «Факел» в Сувалках[19]; организация начального образова-

[17] Запрет на литовскую печать на латинице действовал с 5 июня 1864 г. по 7 мая 1904 г.

[18] Лит. – Матулайтис Юргис (пол. – Ежи Матулевич) – католический религиозный деятель, выпускник Императорской Римско-католической духовной академии Санкт-Петербурга, с 1907 г. профессор Санкт-Петербургской католической духовной академии, после возвращения в Литву в 1918 г. – виленский архиепископ (1918–1925).

[19] Данные ассоциации относились к правому политическому крылу, имели огромное влияние среди молодежи и интеллигенции, занимались просветительской работой, учредили школы и гимназии, открывали приюты и столовые для

ния; студенческая ассоциация, объединяющая литовских учащихся из Санкт-Петербурга, Москвы, Киева, Харькова, Одессы, Кракова, Рима, швейцарского Фрибурга, Лувена; Благотворительное общество и собрание святого Венсана де Поля; Фонд взаимопомощи Ассоциации служащих, Общество защиты литовской земли против русской и польской колонизации; Ассоциация литовских женщин; наконец, первый кооператив, учрежденный в 1900 году. Это кооперативное движение приобрело такой размах, что уже в 1910 году оно объединило 120 компаний, в 1915 – 161, а также создало Лигу, которая, помимо кооперативных обществ, объединила двенадцать банков и два сельскохозяйственных общества крупных землевладельцев: одно в Ковно, состоящее из 30 отделений, другое в Сувалках, насчитывающее 20 отделений.

Русская революция 1917 года способствовала сплочению католической национальной партии. Национальное движение вышло за рамки католицизма и завоевало подавляющее большинство литовцев независимо от партии. В 1904 году социалисты почти взяли на себя руководство национальным движением и в настоящее время они играют важную роль в учреждении нового государства.

Только крупные польские или полонизированные землевладельцы и определенное количество интеллигенции – врачи, адвокаты и священники – будучи с ними в контакте, оставались невосприимчивыми. Кроме них, в 1917 г., все литовцы были согласны требовать отделения от России и Польши.

Движение привело в 1918 году к организации Тарибы, Совета из 20 членов, избранных комиссией интеллектуалов-немцев. Затем немцы оккупировали страну, не разрешив, впрочем, референдум. Присутствие, влияние и деятельность немцев привели к расколу Тарибы и руководителей националистического движения на две группы: те, кто выступал за немецкую ориентацию и тех, кто ее

сирот и нищих.

терпел. Тариба избрала в качестве короля Литвы принца Ураха Вюртембергского. Поражение немцев не позволило принцу Ураху занять трон. Тариба провела новые выборы в 1920 г. и уступила место Учредительному Сейму, который еще действует[20].

Учредительный Сейм включает 112 членов[21], которые распределяются следующим образом:

59 христианских демократов;

29 социал-демократов, объединяющих социалистов популистов и членов крестьянского Альянса;

13 социал-демократов, избранных городским населением;

6 евреев;

3 поляка;

1 немец.

Выборы проводились в соответствии с системой пропорционального представительства и с участием женщин. Шесть женщин были избраны членами Учредительного Сейма[22].

Правительство представлено Кабинетом министров: Председатель Совета Министров Гринюс – социал-демократ-популист и крестьянин, 2 христианских демократа, священника Пурицкис и Бельшус, первый – министр иностранных дел, второй – министр народного образования и три независимых члена, включая военного министра, полковника Жукаускаса. Кроме того, есть министр по делам евреев.

С точки зрения внешней политики, вопросами первого плана является признание Литвы как независимого государства силами Антанты, возвращение Вильно Литве и заключение мира с поляками; этот последний факт, похоже, был достигнут, когда 7 октября 1920 года обе стороны договорились о линии демаркации и перемирии; линия демаркации оставляла Вильно литовцам; все было

---

[20] Выборы в литовский Учредительный Сейм проходили с 14 по 16 апреля 1920 г.

[21] Следует отметить, что Ш. Кене ошибся, указав 29 социал-демократов вместо 30, объединяющих популистов и членов крестьянского Альянса.

[22] В действительности в Учредительный сейм было избрано 5 женщин.

поставлено под сомнение, когда 9 октября 1920 года генерал Желиговский занял Вильно.

Эта оккупация распалила национальные чувства литовцев, для которых принадлежность Вильно, исторической столицы бывшего Великого княжества, не могла быть поставлена под сомнение. С этнической точки зрения, Вильно – смесь поляков, литовцев, евреев, белорусов, ни одна из этих групп не составляет абсолютное большинство. Белорусская группа, которая могла бы быть самой сильной, была полонизирована и в данный момент не осознает свою белорусскую национальность; более того, она начинает действовать под влиянием белорусского духовенства, пробуждаясь к национальной жизни; многие белорусские священники уже попросили у епископа Вильно разрешения проповедовать на белорусском языке; литовский епископ, сохранявший нейтралитет, до сих пор отказывает им в этом разрешении. С лингвистической точки зрения, польский язык намного превосходит литовский; однако опрошенное на литовском языке население в пропорции от 15 до 20%, отвечает на литовском. Наконец, если кто-то хочет определить чувство населения Вильно и окрестностей, следует сказать, что основная масса народа в целом стремится к спокойствию и к прекращению режима военных оккупаций и временных правительств. Они скорее хотели бы принадлежать Литве, потому что под литовской оккупацией в изобилии было мясо, пшеница, сахар, в то время как это все стало редкостью при оккупации генерала Желиговского. Кроме того, система реквизиций настроила жителей города и деревни против войск генерала. Что касается любого национального чувства, его следы трудно уловить. Белорусский элемент еще аморфен; еврейский элемент желает присоединения к Литве, более толерантной к нему, чем Польша; литовский элемент испытывает более сильное чувство к своей национальности, особенно на территориях Ковно и даже Сейни; польский элемент, полонизированные белорусы или литовцы последуют за своими духовными лидерами, землевладельцами, священниками, которые

сами являются пылкими приверженцами присоединения Вильно к Польше.

Что касается других спорных регионов Сейни и Гродно, то они далеки от того, что в глазах литовцев Вильно имеет важное значение, и, в частности, для жителей Гродно, они были бы предметом сделки относительно легко.

Основным вопросом внутренней политики является раздел имущества крупных собственников. Все партии включили в свою программу принцип раздела имущества: майоратных имений, учрежденных российским правительством для своих генералов и чиновников, земель крупных польских или полонизированных собственников, владений католической церкви, уже разделенной также как майораты Васильчикова и Столийжима. Раздел земель других крупных собственников все еще в планах. Крупные землевладельцы в настоящее время подвергнуты прямому наблюдению. Причина в том, что духом и сердцем они остались поляками; кроме того, некоторое их число подготовили восстание, авторы которого были раскрыты в феврале 1920 года. Сыновья крупных землевладельцев служат в польской армии. Однако некоторые крупные семьи начали примыкать к Ковенскому правительству, такие как Тышкевич. Это движение началось с менее состоятельных владельцев, тех, чья земля меньше по площади от 8 до 10 000 гектаров. Но некоторые из них придумали для себя принять немецкое гражданство, чтобы, найдя убежище, тем самым столкнуть литовское и немецкое правительство.

По-прежнему следует опасаться, что Германия слишком вовлечена в литовскую политику. Литва находится с ней в тесных экономических отношениях, и сегодня Германия с Латвией – единственные соседи, кто ведет переговоры с литовцами о важности торговых отношений.

Плюс ко всему, некоторые интеллектуалы, в особенности священнослужители, остаются верными идее, что Германия является страной порядка, авторитета, организованности. Католический

конгресс Ковно был явно вдохновлен примером немецкого центра и католической организации в Германии. Следует также учитывать германофильские симпатии истинных социал-демократов. Наконец, большинство интеллектуалов, те, кто формирует мнение, придерживаются идеи, что Франция, желая силой объединить Литву с Польшей и поддерживая Польшу против Литвы по виленскому вопросу, толкает Литву в руки Германии. Следует, однако, отметить, что немецкая оккупация оставила в деревнях как у крестьян, так и у помещиков, даже крестьян и землевладельцев немецкого происхождения, очень плохие воспоминания. Причины этого кроются в реквизициях, полицейских притеснениях, принудительных заимствованиях, грубой эксплуатации лесов (площадь лесов упала с 25 до 15%), особенно в высокомерном и оскорбительном отношении немцев по отношению к населению. Наконец, авантюра Бермонта вывела из себя литовцев. Можно сказать, что немецкая карта в сознании многих людей – эта та карта, которую следует хранить в своей игре и ею можно сыграть только в случае провала.

Русские большевики не имеют сторонников среди христианских демократов, также как и у социалистов-популистов и крестьян. Они не имеют ни одного сторонника в правительстве. Президент Республики является практикующим католиком, принадлежащим к партии христианских демократов. Председатель Совета Министров, доктор Гринюс, служил военным врачом в армии Деникина, в то время как его сын служил офицером в казачьих отрядах генерала. Его жена, второй сын и дочь были убиты большевиками. Вице-президент Учредительного Сейма – кюре из окрестностей Ковно. Большевистские элементы представлены в стране, главным образом, бывшими солдатами, вернувшимися из России, которые привлекли на свою сторону часть бедных слоев городского населения и деревни; в сельской местности их влияние противостоит влиянию духовенства, которое остается очень сильным, несмотря на некоторое снижение религиозной практики. Советский дипломатический представитель в Ковно, Аксельрод является активным

агентом большевистской пропаганды. Теперь он скомпрометирован в заговоре по свержению правительства; произведены некоторые аресты. Только лишь страх перед большевиками может заставить литовское правительство, совершенно растерянное на тот момент, пойти на сближение с Советами; также как надежда, связанная с оказанием ему помощи против имперских помыслов Польши, могла бы подтолкнуть его к компромиссам.

Единственным иностранным влиянием, которое в настоящее время растет в Литве, является влияние Англии. Англичане, более чем другие народы, проявили убедительную симпатию к молодым прибалтийским государствам из-за их независимости; их агенты были замечены чаще, чем агенты других народов; эти агенты производили впечатление серьезных мужчин, справедливых, стремящихся получить информацию. Полковник Ворд стал таким же «литовцем», за что был отозван своим правительством. Литовцы передали комиссии под председательством полковника Симпсона разграничение своих границ с Латвией. Английские торговые агенты также очень активны. Англия производит в Литве впечатление очень живой нации, в которой при необходимости можно найти эффективное покровительство.

III
Французское влияние. Результат путешествия

Это английское влияние не беспокоит немногочисленных сторонников французской ориентации и политиков, которых намного больше и которые начинают опасаться «португализации» своей страны. Но они должны бороться с общественным мнением, которое видит за Польшей и Желиговским Францию. Мнение возбуждено соседним регионом Мемель (Франция одобряет пангерманистов и работает против литовцев, 800 французских солдат, которые занимают Мемель говорят между собой по-польски и, по сути, это поляки, одетые во французскую форму). Пресса, особенно католическая, и ее самый влиятельный орган «Laisve» прибавляют к этому

самую оживленную, а иногда и самую несправедливую страсть с полнейшей политической и дипломатической неопытностью.

Истинные социал-демократы, со своей стороны, не очень доброжелательно относятся к Франции, противнику «социалистической» Германии и союзнику российских «реакционеров».

Наша поездка помогла в некоторой степени разобраться в тех заблуждениях, которые существуют в среде католиков и социал-демократов популистов. Вот что удалось выяснить в частных беседах. На публике имя Франции чествовалось и прославлялось, чего не было с первых дней после перемирия 11 ноября. Аббат Тума, известный писатель и оратор выразил свое удовлетворение в длинном тосте на банкете, предложенном нам Комитетом Конгресса, что он никогда не сомневался во Франции, и хотя политики и дипломаты полагали, что Франция всегда враждебна, по наитию поэта и художника чувствовал, что наступит день, когда мы увидим Францию и Литву бок о бок. Лидеры Христианско-демократической партии, председатель Сейма, главнокомандующий литовской армией генерал Жуковский высказали идею заключения соглашения, включающего в себя положения военной и экономической тематики, подписантами которого могли бы быть Польша, а также другие страны Балтийского региона. Министр иностранных дел аббат Пурицкис настаивал на развитии экономических отношений. Президент Республики был довольно сдержан. В прессе, кроме длинной биографии господина Марка Санье, изложенной прелатом Дембровским, и нескольких строк о торжественном заседании Конгресса, не было опубликовано ничего, касающегося нашей поездки. Отчет об этом событии все же, правда, с некоторым опозданием, появился в газете «Laisvė» 28 января и, кажется, в нем была анонсирована серия статей о Франции. Литовская газета в Америке «Darbininkas» проявляла к нему самый живой интерес.

Берлинская «Germania» проявила озабоченность. Комментируя или делая вид, что комментируют слова, которые я произнес на торжественном заседании Католического конгресса, мне подбра-

сывают тему о «франко-литовском братстве», сопровождая ее восклицательным знаком в конце. Выражается сожаление по поводу того, что немецкие католики не были представлены на заседании Конгресса.

Венская «Reichpost» просто ограничилась размещением информации о присутствии господина Марка Санье и меня на Конгрессе.

Чехословацкие и югославские газеты дали доброжелательные комментарии.

Французские католические газеты представили отчет без комментариев.

Хотя влияние Франции не очень велико в Литве, ее престиж, с другой стороны, является значительным. Францию называют, даже сетуя на нее, первой нацией настоящего времени, «величайшей державой в мире»; ее называют «всемогущей», которая делает то, что посчитает нужным, и именно из-за ее «всемогущества» не может быть приемлемым тот факт, что она не может эффективно вмешиваться в литовско-польский конфликт и должна соблюдать осторожность по отношению к полякам, которых могла бы заставить подчиниться.

Два военных представителя Франции в Литве, полковник Ребуль и полковник Шардини, особенно второй, очень непопулярны. Французский уполномоченный г-н де Сартиж, хотя он неоднократно подвергался нападкам со стороны прессы, в частности, газеты «Laisvė», в глазах общественного мнения находится в более благоприятной ситуации. Можно поразмыслить над тем, что имеет смысл создать в Литве специальное французское представительство в этой стране; г-н де Сартиж является уполномоченным по Литве, и в то же время он является таковым по Латвии и Эстонии, и хотя он особенно акцентирует внимание на самом чувствительном пункте, Литве, похоже, он вынужден рассеивать свое внимание и действовать в слишком широком спектре. Кроме того, желательно, чтобы представитель Франции был окружен минимумом комфорта. Размещение дипломатических представителей Германии

и Советов не слишком роскошное по сравнению с размещением французского представителя.

Интеллектуальные действия могут быть осуществлены, что не останется без политических и дипломатических последствий. Правительству Литвы и политическим партиям не хватает интеллектуалов. Основными причинами этого являются отсутствие желания, свойственное землевладельцам, и относительно небольшое развитие системы высшего образования у литовцев, которых российское правительство, как католиков, держало в стороне от государственных рабочих мест и затрудняло доступ к университетам. Люди, занимающиеся в настоящее время какой-либо деятельностью, получили высшее образование одни в России, другие – в Бельгии, Швейцарии, Германии или Риме. Направление их интеллектуальных тенденций по отношению к Франции не является ни хорошим, ни плохим. И получается, что молодые люди, которым скоро суждено работать вместе с ними, а потом стать их преемниками, почти все будут иметь немецкое образование. В настоящее время в Германии более шестидесяти литовских студентов, из которых 50 в Берлине. Во Франции есть только один литовский студент. Студенты немецких профессоров завтра будут литовскими профессорами, священниками и политиками. Представляется необходимым привлечь литовских студентов во Францию с помощью стипендий (более того, эта попытка уже была предпринята, но не была продолжена) и отправить французских профессоров для работы на «Высших курсах» Ковно, которые в настоящее время заменяют университет (литовцы надеются вновь обрести свой Университет в Вильно). Место, которое мы не займем сегодня, будет завтра занято немцами или германизированными литовцами.

Наконец, в целом, похоже, что любая политика, направленная на то, чтобы навязать Литве союз или федерацию с Польшей в качестве отправной точки, обречена на провал. Политика, которая начинает признавать и рассматривать Литву как независимое государство, избавляя ее от французского влияния и нацеливая на

польско-литовскую дружбу или, более того, стремящаяся этого достичь в итоге, имеет все шансы на успех. С первым литовцы категорически не согласны. Религиозная общность с поляками, которую литовцы испытывают весьма сильно, неизбежность соседства и экономической жизни, посредничество Франции, приведут ко второму. Таким образом, между большевистской Россией и Германией может возникнуть стена, а пока существует мост. Литва, подверженная французскому влиянию, могла бы в будущем, не потеряв своей независимости, которой она придает такое большое значение, найти с небольшевистской Россией почву для взаимопонимания и согласия.

Библиография

Архивные источники

Archives du Ministère français des Affaires étrangères (AMAE). Série: Europe 1918–1940. Lituanie. Vol. 6. Note de M. Charles Quénet sur voyage en Lithuanie (27 décembre1920–14 janvier 1921), 146–166; 199–220.

AMAE. Série: Europe 1918–1940. Lituanie. Vol. 58. Note de M. Charles Quénet sur voyage en Lithuanie (27 décembre1920–14 janvier 1921), 174–194.

Литература

Danilova A., *Gruppa abbata F. Portala i Rossiya (1903–1919 gg.)* [v:] *Frantsuzy w nauchnoy i intellektualnoy zhizni Rossii XVIII–XX vv*., red.: A.O. Chubaryan, F.-D.Lishtenan, Moskva 2010 [Данилова О., *Группа аббата Ф. Порталя и Россия (1903–1919 гг.)* [в:] *Французы в научной и интеллектуальной жизни России XVIII–XX вв.,* ред.: А.О. Чубарьян, Ф.-Д. Лиштенан, Москва 2010].

Quénet Ch., *Deux siecles et demi de luttes religieuses dans la Pologne meridionale (1339–1596),* Paris 1939.

Quénet, Ch., *L'union des Églises du point de vue catholique,* Boulogne-sur-Seine (Seine) 1930.

Quénet Ch., *L'Unité de l'Église. Les Églises séparées d'Orient et la réunion des Églises*, Paris 1923

Quénet Ch., *Tchaadaev et les letters philosophiques. Contribution à l'étude du mouvement des idées en Russie*, Paris 1931.

Mauclère J., *Le rayonnement de la France en Lithuanie*, Paris 1946.
Mazon A., *Nécrologie, Revue des études slaves*, t. 23, 1947, fasc. 1–4, p. 279–283.

„Christian diplomacy" of Charles Quénet: in search of Franco-Lithuanian rapprochement

At the turn of 1920–1921 the invitation of the leaders of the Christian Democratic Party, Lithuania was visited by French abbot Charles Quénet. In the conditions of the Polish-Lithuanian conflict regarding the ownership of the Vilnius region, countries tried to find common ground for a way out of this situation. Christian diplomacy was supposed to lay the foundation for a dialogue between Catholic politicians. The mission of the French abbot did not bring tangible political results, but contributed to intercultural dialogue and led to the realization of the true reasons for the desire of the Lithuanian people for an independent existence. In his travel notes, Quénet outlined the need for a review of French policies regarding Lithuania.

K e y w o r d s: France, Lithuania, Catholicism, Christian Democratic Party of Lithuania, national movement